

КОНЦЕПТ КАК МЕНТАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ КОНСТРУКТ

С. А. Песина, Ю. Л. Вторушина

Магнитогорский государственный технический университет
имени Г. И. Носова

Поступила в редакцию 28 марта 2016 г.

Аннотация: *концепт как центральное понятие когнитивистики и важнейшее понятие философии многомерен, и это обуславливает возможность различных подходов к определению его сущности и структуры. Помимо понятийной основы, он включает социо-психо-субъективные ассоциации, эмоции, оценки, присущие человеку. Концепт может быть представлен как эмоционально и культурно отмеченный смысл, ментальная сущность, отвечающая за формирование, обработку, хранение и передачу знаний; это основная ячейка культуры, поскольку концепт национально специфичен.*

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, аналитическая философия, феноменология, когнитивная лингвистика, культурология.*

Abstract: *being the central part of cognitive linguistics, the concept is the sense with emotional and cultural marking, the mental essence responsible for shaping, processing, storage and transfer of knowledge. Therefore, the concept contains emotional, expressive, evaluative components. The concept has nation-specific features, it is the main cell of culture, presumably, it is structured. The substantive forms of the concept are the image, the notion and the symbol; their development is unbalanced, but they are also perceived differently in the reflection about the phenomenon (the word). The core part that is common for bearers of the specific language and culture ensures the communication processes.*

Key words: *concept, conceptsphere, analytic philosophy, phenomenology, cognitive linguistics, cultural studies.*

В философии термин *концепт* идентичен содержанию понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. В математической логике (особенно в ее наиболее распространенной версии, принятой в системе Г. Фреге и А. Черча) этим термином называют лишь содержание понятия, таким образом, термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл*. В 80-е гг. XX в., в связи с переводами англоязычных авторов-лингвистов данный термин закрепляется в отечественной литературе по когнитивной лингвистике и в настоящее время переживает переосмысление. Хотя справедливости ради следует заметить, что этот термин и ранее встречался в лингвистической литературе. Так, С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. в статье «Концепт и слово» определял концепт как мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [1]. Известно, что этим термином пользовались Платон и Аристотель.

Философская теория концепта, попав на филологическую почву, позволяет примирить существующие в современной лингвистике множественные гипотезы и разногласия мнений о сущности и функционировании концепта. Как справедливо полагают Ж. Делез и Ф. Гваттари, концепты – это кристаллы или самородки смысла – абсолютные пространственные формы. Сущностные свойства концепта авторы схематизированно представляют как сотворенность концепта (он обладает авторской подписью и в этом смысле персонифицирован), недискурсивность концепта (концепт как глубинная идея полностью не принадлежит границам какого-либо конкретного высказывания), соотношенность концепта с какой-либо проблемой (что позволяет концептам пересекаться и взаимно координироваться) [2].

Очевидно, многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе – как определенный эмпирический образ предмета или явления (образ дерева, дома, школы). Как базовая структурированная единица концепт способен преломляться в человеческом сознании в связи с осмыслением различных событий и явлений действительности, с учетом индивидуального и общественного опыта, конкретной пространственно-временной, географической, исторической и культурной среды, а также в зависимости от преобладающего в каждой конкретной ситуации способа мышления (обыденного или научного). А результаты всей когнитивной деятельности человека связаны с образованием системы концептов (концептосферы), отражающей реальное или вымышленное положение вещей в мире.

Как совокупность всего знания об объекте или явлении концепт отличается от понятия (в особенности научного) и значения (как языковой сущности) тем, что является конструктором, обладающим динамическим характером. Концепт представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества: в нем может находить отражение уровень общественного познания того или иного явления или объекта, но будучи принадлежностью исключительно индивидуального сознания, так сказать, квинтэссенцией индивидуальных мыслительных актов, концепт может и не включать указанную информацию.

90-е гг. прошлого столетия ознаменовались появлением целого ряда теорий, когда, наряду с «концептом» (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, С. Х. Ляпин, В. П. Нерознак, Ю. С. Степанов и др.), стали активно изучаться «лингвокультурема» (В. В. Воробьев), «мифологема» (В. Н. Базылев, М. Лехтеэнмяки), «логоэпистема» (Н. Д. Бурвикова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) и другие аналогичные явления. Зачастую концепт отождествлялся с представлением, трактовался как «алгебраическое выражение значения» (Д. С. Лихачев), «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая), «сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю. С. Степанов), содержательная единица памяти, представляющая собой кванты структурированного знания (Е. С. Кубря-

кова), «зерно первосмысла» (Колесов), «сложный комплекс признаков, который используется для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» (М. В. Пименова) и т.п. Поскольку наши интересы лежат в области семантической общности семантики многозначных лексем, то в нашем понимании концепт – это скорее «лексический инвариант» [3].

Для коммуникантов концепт становится понятен только через язык, однако природа концепта всё же ментальная, он, строго говоря, ненаблюдаем. Слова, словосочетания, развернутые высказывания и описания выступают как средство объективации, вербализации концептов в случае коммуникативной необходимости. Если те или иные концепты коммуникативно релевантны, становятся регулярно предметом обсуждения в обществе, то они становятся языковыми знаками, получая стандартную языковую привязку. Если нет – остаются невербализованными, а в случае необходимости вербализуются описательными средствами. Сложность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

Отсутствие единства в понимании термина «концепт» связано с отсутствием общности методологических и теоретических установок когнитивных школ. В целом можно обозначить четыре основных подхода к сущности когнитивной парадигмы: *культурологический* (В. В. Красных, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Г. В. Токарев и др.), *семантический* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев и др.), *ментальный* (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, А. И. Стернин и др.) и *социобиологический* (Ф. Варела, А. Дамазио, А. А. Залевская, А. В. Кравченко, У. Матурана и др.). Несомненно, общим для этих подходов является утверждение неоспоримой связи языка, сознания и социальной среды (культуры). Изучая концепты, невозможно игнорировать культурологический фактор, как и то, что доступ к содержанию концепта можно получить, главным образом, через язык.

Нами концепт понимается как ***структурированный ментально-психический культурно-обусловленный конструкт, служащий посредником между ментальным миром человека и окружающей действительностью, который может быть вербализован и опредмечен в той или иной языковой форме.***

В философо-феноменологическом плане концепт – это идея слова, его эйдос, самая центральная, ядерная часть содержания слова, мотивирующая все его употребления [4; 5]. В коммуникативном плане концепт – это когнитивная модель, в соответствии с которой говорящий употребляет данную языковую единицу тем или иным способом; иными словами – это структурированный фрагмент общего для языкового коллектива опыта освоения им своего жизненного мира, который символизируется этой языковой единицей [6, с. 43].

Оязыковленный концепт указывает на значение: по образному выражению Е. С. Кубряковой и М. В. Никитина, значение – это концепт, схва-

ченный знаком. На секунду остановившись на данном, ставшем в лингвистической литературе классическим определении, отметим, что оно, строго говоря, не совсем точно. Если знак – это, по меньшей мере, двусторонняя сущность (во всяком случае, в классическом его понимании включает, помимо формы, обязательно и содержание), то концепт, уже будучи ментальной сущностью, вторично «схватывается» содержанием. Сам же момент «схватывания», вероятно, имеет отношение к «схватыванию Бытия» в концепциях феноменологической философии (в частности, М. Хайдеггера и К. Ясперса), а это, в свою очередь, может являться следствием «агрессивной» этимологии немецкого слова «понятие», буквально означающего «хватать» (*grieffen*).

Данное определение концепта созвучно средневековым мыслителям, понимающим концепты как акты схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и конфликта интерпретаций. Акты «схватывания» выражаются в высказанной речи, которая, по П. Абеляру, воспринимается как «концепт в душе слушателя» или как идея произведения. Он полагал, что «концепты связаны не формами рассудка, они есть производное возвышенного духа, или ума, который способен творчески воспроизводить, или собирать (*conspicere*), смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть» [7].

Представляет интерес культурологический аспект, при котором культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепты как формы существования культуры формируются в результате своеобразного членения языковой картины мира на некие микромиры, соответствующие всем мыслимым ситуациям, известным человеку.

В рамках данного направления концепты часто трактуются как своего рода культурный слой, посредник между человеком и миром, как понятие практической (обыденной) философии, являющееся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Исходя из этого, концепт должен получить культурно-национальную «прописку» и предстать как самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [8, с. 130].

Исследователи национальных концептов пытаются определить точное число этих фундаментальных для носителей русской культуры сущностей. Так, А. Вежбицкая полагает, что их всего три: Судьба, Тоска и Воля [9], Ю. С. Степанов говорит о сорока-пятидесяти [10], В. А. Маслова насчитывает несколько сотен базовых концептов [11].

Поскольку в литературе по аналитической философии и психолингвистике на данном этапе развития когнитивистики представлен анализ наиболее сложных, ярких и интересных концептов, складывается мнение, что концепты передают не любые понятия, а лишь наиболее сложные, без которых нельзя представить данную культуру (например, *воля*

или *авось* для русских, *порядок* для немцев и др.). Среди исследователей концептов до сих пор нет единства во взглядах по этому вопросу. С нашей точки зрения, если простые обыденные концепты не являются темами пословиц, поговорок и поэтических текстов, то они не перестают быть мыслительными единицами, ведь не можем же мы отказать в ментальности таким словам, как *стол* или *стул*. В противном случае придется признать, что одни сущности ментальны, а другие нет. Если на сегодняшний день в концептологии говорится о грамматических и синтаксических концептах как о данности, есть ли смысл отказывать в концептуальной природе простым обыденным понятиям? Вопрос, очевидно, скорее терминологический: насколько широко понимается термин «концепт» и как определяются ментальные сущности, не являющиеся концептами.

Вместе с тем поскольку концепт – это структурированная сущность, то интерес представляют, прежде всего, конструкторы с объемной и развитой структурой, имеющие ярко выраженные центр и периферию. Семантически однонаправленные концепты типа *коллайдер*, *станина*, *терморегулятор* вряд ли в обозримом будущем обрстут дополнительными значениями, поэтому интересуют исследователей, скорее, как термины или слова, принадлежащие соответствующей лексико-грамматической группе.

В процессе жизнедеятельности люди накапливают определенную информацию об объектах, включенных в повседневную индивидуальную и межличностную практику, но этот процесс накопления и развития знаний оказывается возможным только при условии его периодического переосмысления, что и является углублением понимания мира и способом деятельности в нем (например, представление о компьютере в раннем детстве и во взрослом состоянии, если выбрана соответствующая специальность, связанная с системным администрированием или компьютерным программированием). Поэтому развитие концепта связано со структурами знания и его переупорядочением наиболее эффективным образом [12; 13].

Для обозначения особого поля, ауры языка, которая связана с запасом знаний, навыков, культурным опытом отдельного человека и народа в целом, используются такие понятия, как «концептосфера языка» (С. Д. Лихачев) и «семиосфера» (Ю. М. Лотман). Они трактуются как определенным образом упорядоченная и организованная конфигурация концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка. Поэтому следует подчеркнуть чрезвычайную важность учета культурно-национального характера концептов в процессе их изучения.

Не следует также забывать, что фрагменты реальной действительности неодинаково отражаются в сознании носителей даже одной культуры. Большая часть концептов окружена эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Таким образом, концепты – это выраженная в языке концентрация симпатий и антипатий, приводящая к столкновению мнений, т.е. эмоционально и стилистически окрашенные сущно-

сти. Культура в какой-то степени детерминирует концепт, в то время как концепт является ментальной проекцией элементов культуры. С другой стороны, субъект, оперирующий языковыми репрезентациями, приспосабливаясь к среде, может по-разному описывать одно и то же явление, что обусловлено его опытом, а также различными условиями и возможностями взаимодействия со средой. Со временем, благодаря влиянию целого ряда факторов постоянно меняющейся окружающей среды, накоплению опыта взаимодействия с ней, концептуальная система человека модифицируется, актуализируются новые участки концептов.

Относительно новым направлением в когнитивистике является интерпретация концептов с точки зрения телесного подхода, предполагающая обращение к концептам, впрочем как и к языку, как к когнитивной, биологической и социальной системе, представляющей собой область коммуникативных взаимодействий организма со средой. Что касается понимания природы концептов, то оно не согласуется с представленными выше положениями, отражающими наше осмысление сущности концептов.

По мнению представителей биокогнитивистики, концепт – это не абстрактная идеальная сущность, а физиологические, материальные процессы, происходящие в коре головного мозга. А. Дамазо отмечает, что фокус для концепта составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций, которые с высокой вероятностью могут быть извлечены из памяти некоторыми невербальными и вербальными стимулами. А приписывание имени и/или вербальное описание составляет лишь вторую фазу этого процесса [14]. Таким образом, материальность концепта объясняется тем, что все процессы, происходящие в коре головного мозга, физиологичны. Отождествление формы сигнала и его содержания для физиолога вполне логично, но достаточно узко для рассмотрения проблемы с точки зрения когнитивной науки в целом. Кроме того, концепт – это единица не только ментальных, но и психических ресурсов нашего сознания, поскольку включает также и чувственный опыт человека. При этом доступ ко всем этим участкам осуществляется одновременно, благодаря слову или какому-либо другому знаку.

При всём внимании к исходным положениям и результатам биокогнитивного подхода исследуемое нами понятие *концепт* всё же относится к мыслительным ненаблюдаемым категориям, и это дает большой простор для его толкования. Данная символизируемая языковыми единицами ментальная структура, имеющая индивидуальную природу (если речь не идет о научном концепте), представляет собой модель ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины.

Основываясь на положении о том, что концепты лежат на полпути между мышлением и языком, можно далее попытаться определить специфику концептуального и языкового отражения действительности.

Мы допускаем, что многие мысли, существующие в нашем сознании, вообще никогда словесно не выражаются, поскольку не предназначены для сообщения, и вероятно для их выражения нет готовых языковых средств.

Можно даже предположить, что эти мысли в значительной степени определяют поведение человека, но верифицировать это невозможно и судить об этом приходится только косвенно. Поэтому для нас представляет интерес, прежде всего, концепт, выраженный языковыми средствами.

Разные языки могут решать задачу членения потока нашего сенсорного и концептуального опыта совершенно по-разному. Каждая языковая система «задает» свою собственную онтологию, т.е. ту совокупность объектов-референтов, на которые направляется наше внимание и о которых мы рассуждаем в процессе познания. Таким образом, принятие той или иной языковой системы означает нечто гораздо большее, чем соглашение по поводу способов внешнего выражения нашего знания. Реальность никогда не дана нам непосредственно, мир объектов всегда задан через ту или иную концептуальную систему, через совокупность языковых значений. Миры, сотворенные человеком, – это, прежде всего, языковые миры (или миры, по крайней мере, выраженные в языковой форме). При этом не существует универсальных языковых миров.

Поскольку каждому языку присущ свой способ объективного членения мира, непрерывность познавательного опыта может реально существовать лишь внутри субъективных групп – носителей данного языка. Современное познание объективно. Оно не подвержено недостаткам субъективного восприятия. В субъективность входит чувство, фантазия. Нюх, вкус, воображение, экстаз, которые у каждого разные. Объективность избавляет от всего подобного и обеспечивает, чтобы каждый мог усвоить, понять, воспроизвести нужное знание. Превращение знания в объективное поэтому исподволь делает что-то с субъектом. Он начинает годиться не какой есть, а только способный к объективному познанию, т.е. без черт, которыми он разноголосит другим субъектам, т.е. коллективный.

Во-первых, с течением времени в самом языке происходят изменения. «Дрейф» референтных отношений рано или поздно приводит к разрывам в опыте субъективной группы. Во-вторых, даже внутри такой группы не существует абсолютной идентичности между референтными системами отдельных индивидов. Когда мы общаемся с человеком, говорящим на том же языке, наша убежденность в том, что оба мы имеем в виду один и тот же объективный мир, основана на том, что мы, воспринимая выражения его речи, относим их к объектам, которые выступают референтами этих выражений в нашем понимании. Вместе с тем, находясь в рамках более широкого контекста, нельзя не уточнить, что окружающий мир устроен в целом по единым для всех объективным законам, часто не зависящим от национальной принадлежности или социального статуса конкретных людей. Мыслительные процессы также протекают по единым законам, это связано с биологическими характеристиками мозговой и нервной структур. И всё же разные культуры и традиции описывают свой мир по-разному, и в принципе, в индивидуальном сознании концепт не может быть свободен от культурной и национальной специфики.

Для человеческого сообщества свойственно на разных уровнях развития задавать морально-этические нормы, связанные с важнейшими базовы-

ми концептами. Зависимость общечеловеческих концептов от лингвистических и культурологических факторов приводит к тому, что они по-разному вербализируются и фиксируются в различных значениях в разных языках. Национальные особенности в опыте определяют национальные особенности знания и, соответственно, национальные особенности картины мира представителей отдельных лингвокультурных общностей.

Язык не мог бы быть средством общения, если бы он не был связан с концептуальной картиной мира, поскольку он означает отдельные элементы концептуальной картины мира, что выражается в создании слов и средств связи между словами и предложениями [15; 16; 17].

Итак, лингвистика с полным правом может воспользоваться философским осмыслением концепта как потенции, как нерасчлененного сгустка смыслов, как «туманного нечто» и «ничто» одновременно, как идеи, получающей свое бытие в бесконечности актуализаций. С учетом вышеизложенного сущностные характеристики концептов могут быть представлены в следующем виде: концепт как центральная единица когнитивистики – это эмоционально и культурно отмеченный смысл, ментальная сущность, отвечающая за формирование, обработку, хранение и передачу знаний; следовательно, концепт содержит эмоциональные, экспрессивные, оценочные компоненты; концепт национально специфичен, это основная ячейка культуры; концепт предположительно структурирован: может иметь слоистое строение; может быть различных типов и различной сложности; концепт имеет нежесткую вероятностную структуру, его границы неопределенны и подвижны; как образ, но не как языковая структура концепт может быть равен субъективному восприятию действительности в определенный период времени, вместе с тем в нем предположительно имеется ядерная, основная и периферийная области; ядерная часть, общая для носителей конкретного языка и культуры, обеспечивает процессы коммуникации; эта ядерная часть национально и культурно обусловлена; со временем концепт претерпевает изменения в результате изменения картины мира; наилучший доступ к концептам, их лучшее понимание и «передача» осуществляется посредством их вербализации, т.е. через язык.

Литература

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
3. Песина С. А. Лексический прототип в семантической структуре слова : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Песина. – СПб., 1998.
4. Песина С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка : учеб. пособие / С. А. Песина. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – 160 с.
5. Песина С. А. Философия языка : учеб. пособие / С. А. Песина. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – 376 с.

6. *Taylor J. R. Cognitive Grammar / J. R. Taylor. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002.*

7. *Абеляр П. Диалектика / П. Абеляр // Абеляр П. Теологические трактаты. – М. : Прогресс, 1995.*

8. *Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация : монография / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998.*

9. *Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999.*

10. *Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2005.*

11. *Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001.*

12. *Песина С. А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении / С. А. Песина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена : Общественные и гуманитарные науки : научный журнал. – 2005. – № 3 (10). – С. 358–362.*

13. *Песина С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления / С. А. Песина // Вестник ОГУ : Проблемы онтологии, теории познания и философской антропологии. – Оренбург, 2009. – № 7(101): июль. – С. 178–181.*

14. *Damasio A. The Feeling of What Happens : Body and Emotions in the Making of Consciousness / A. Damasio. – NY, San Diego, London : Harcourt, 1999.*

15. *Песина С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка / С. А. Песина // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2011. – Вып. 4 (88). – С. 12–16.*

16. *Песина С. А. Слово в понимании философии языка и лингвистики / С. А. Песина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2011. – № 2 (4). – С. 122–131.*

17. *Песина С. А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте : монография / С. А. Песина. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. – 152 с.*

*Магнитогорский государственный
технический университет имени
Г. И. Носова*

*Песина С. А., доктор филологических
наук, доктор философских наук, про-
фессор*

E-mail: spesina@bk.ru

Тел.: 8-904-810-08-06

*Вторушина Ю. Л., кандидат педаго-
гических наук, доцент*

E-mail: julievtorushina@mail.ru

Тел.: 8-912-302-18-52

*Magnitogorsk State Technical Universi-
ty named after G. I. Nosov*

*Pesina S. A., Doctor of Philological
Sciences, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor*

E-mail: spesina@bk.ru

Tel.: 8-904-810-08-06

*Vtorushina Yu. L., Candidate of Peda-
gogical Sciences, Associate Professor*

E-mail: julievtorushina@mail.ru

Tel.: 8-912-302-18-52